

Пощёчина прозвучала неожиданно резко. Палуба на мгновение застыла — даже музыка, казалось, играла в отрыве от происходящего, как будто не замечая, что воздух вокруг стал тяжелее. Все обернулись.

На фоне спокойного моря, бликовавшего под солнцем, сцена выглядела почти абсурдно: неподвижные гости, напряжение в каждом взгляде и Чжоу Цзиншуо, стоящий с ладонью у лица. На правой щеке быстро проступил багровый след.

Он и правда не ожидал. Не верил, что брат поднимет на него руку — и уж тем более из-за беты.

С выражением чуть горькой, чуть дерзкой усмешки он произнёс:

— Брат, ну зачем так? Это же просто игра. Все так делают.

Гу Янь не сразу ответил. Он стоял, неподвижный, будто сам пытался осознать, что только что произошло. Удар пришёлся раньше, чем мысль. Стоило услышать эти слова — и рука сама собой взметнулась, без колебаний, без попытки сдержаться.

Лишь теперь до него дошло, насколько ярость была глубокой.

Он усилием воли взял себя в руки. Снаружи он оставался спокойным, но внутри ощущал, как напряжение не спадает. Всё это выглядело слишком вызывающе — ударить кузена, да ещё при всех, из-за беты. Не по форме, не по положению. И всё же...

В их среде такие сцены никого не удивляли. Подобные связи давно потеряли значение: сегодня ты — даришь, завтра — тебе дарят. Даже мачехи и любовницы могут сидеть за одним столом, перекидываясь картами и шутками. Никому нет дела.

А он, генерал, человек с именем и рангом, позволил себе жест, который нельзя было ни объяснить, ни отыграть как часть спектакля. Слишком лично. Слишком откровенно.

Он чуть развернулся, сменил позу, выдохнул. Лицо стало более собранным.

— Ты просто поторопился. Дай немного времени. Возможно, я и покажу его. Когда придёт момент.

С этими словами напряжение будто рассеялось. Гости оживились: заговорили, кто-то засмеялся, кто-то потянулся за бокалом. Темы сменились легко — от новой линейки оружия до разработок пороха. Разговоры ожили, направленные на то, чтобы отвлечь, сгладить, вернуть контроль в привычное русло. Чтобы Гу Янь, быть может, расслабился и выдал что-то полезное.

В Империи крупные преступные кланы давно перестали быть просто мафией. Они существуют одновременно и в тени, и в поле зрения власти. Тот, кто хочет выжить, обязан быть гибким — и полезным.

На поверхности всё ещё сохранялась иллюзия конфликта между государством и подпольем. Но те, кто знал систему изнутри, понимали: противостояние — всего лишь ширма. Одни выполняют грязную работу, другие создают иллюзию порядка.

Все эти безупречно одетые «золотые мальчики», что катались с Гу Янем по морю, пили шампанское и щеголяли дорогими костюмами, были лишь прикрытием. За каждой подобной прогулкой стояла сделка — завуалированная, но предельно конкретная.

— Всё, что вам положено, получите, — говорил Гу Янь с лёгкой полуулыбкой. Казалось, он что-то обещает. На деле — не обещал ровным счётом ничего. Что значит «положено»? Кто решает, что чьё? Он. Только он.

— В прошлом году у меня было триста единиц... Может, в этом... — попытался вставить Ли Чак, чуть подаваясь вперёд.

Гу Янь постучал пальцами по столешнице. Потом поднял глаза и посмотрел прямо на него — взгляд ленивый, почти насмешливый:

— Триста — это мало? Столько всегда и было. Почему именно в твой срок вдруг перестало хватать? Ставишь меня в неловкое положение, Чак. К слову, отец не раз говорил, что тебе давно пора найти замену.

— Гу Янь! Не перегибай! — вспыхнул Ли, лицо покраснело, голос срывался.

Он сжал кулаки и со всей силы ударил по столу. Слишком давно терпел этого мальчишку, который вел себя как монарх, — словно сцена принадлежит ему, а все остальные существуют исключительно в фоновом освещении, для антуража.

Но семья Ли контролировала 11-й сектор много лет. Отступить сейчас, признать, что он не справляется с новым игроком, — означало потерять лицо. А это было недопустимо.

Он ненавидел Гу Яня — искренне, до зубовного скрежета. Но и Гу Янь в ответ презирал его: устранял с пути, продвигал других, последовательно подрезал влияние Ли. Появится достойный кандидат — Чак исчезнет с поля без малейшего сожаления.

Племянничек с покровителями в правительстве... Ничего особенного.

Атмосфера ощутимо накалилась. Слова превратились в иглы, взгляды — в оружие. Воздух был натянут, как струна. Ещё немного — и грянет.

Государство тщательно контролировало военное вооружение. А подполью доставались лишь обломки, устаревшее железо и кустарные доработки. Поэтому неофициальные поставки из арсеналов были на вес золота — редкие, почти мифические.

И даже если ты предлагал в десять раз больше — не было никакой гарантии, что получишь.

Именно поэтому каждый процент, каждый ящик — становился поводом для войны.

С тех пор как Ли Чак возглавил 11-й сектор, он лавировал между подпольем и официальной властью, извлекая выгоду с обеих сторон. Двулично, умело, пока Гу Янь молча не начал урезать его поставки: перераспределил квоты, отдал их другим группам, выстроив вокруг Ли негласный альянс. И тем самым — изолировал его.

Даже если у того и возникало искушение вытащить пистолет — стоило задуматься, хватит ли у него союзников, чтобы дожить до следующего утра.

Лицо Ли стало каменным. Но он сдержался. Проглотил. Сцена, ещё мгновение назад готовая взорваться, вдруг застыла под маской миролюбия — словно море в штиль, под поверхностью которого скрываются бешеные течения.

—

В это же время, далеко в самом 11-м секторе, тот, кто держал Ли в страхе, глядел на воду с откровенным удовольствием. Глаза с узким зрачком щурились от удовлетворения.

Он держал за волосы одного из любимых подчинённых Чака — кровь стекала в волны, окрашивая их мутным красным. На бледной коже — брызги и улыбка, слишком острая, почти животная.

Сцена, будто вырванная из ночного кошмара.

—

Спустя семь дней в море Гу Янь вернулся в 1-й сектор. Перелёт оказался долгим, с пересадкой, но в мыслях он всё это время удерживал Сюй Сяочжэня — вёз ему подарок.

Выбирал на ходу: в зале ожидания листал каталог новинок люксовых брендов. Взгляд зацепился за одну модель — лаконичную, сдержанную, почти аскетичную. Но в этом и была её сила. В ту же секунду перед глазами всплыл Сюй.

Не раздумывая, Гу Янь оформил покупку и распорядился отправить её домой. Он хотел, чтобы с руки Сюя исчезла та старая, дешёвая модель.

Те часы были куплены когда-то в 18-м секторе. С виду простые, внутри — капризные, с тонким механизмом. Они требовали особого обращения, деликатности: малейший перепад влажности — и всё сбивалось. Циферблат то темнел, то словно «выключался», как экран.

Сюй не раз спрашивал, как у механических часов вообще может быть «чёрный экран». Но продолжал их носить — скорее как украшение, чем по назначению.

Он не знал, сколько стоит новая модель. Даже не догадывался, что за её цену можно было бы прожить несколько жизней — спокойно, без нужды, вдали от всего.

Когда курьер доставил подарок, продавец, не сдержавшись, приложил к упаковке свежий букет колокольчиков — крупные, хрустальные, будто украшенные каплями росы. Деталь необязательная, но точно попавшая в цель.

Сюй Сяочжэнь долго смотрел на цветы и на часы, и улыбался — по-настоящему, светло. Он был счастлив не из-за бренда, не из-за стоимости. Дело было в самом жесте: Гу Янь, даже будучи далеко, думал о нём. И это — значило больше, чем любая сумма.

Он тут же примерил подарок и, почти с детским азартом, показал, как часы сидят на руке. Гу Янь обнял его, усадил к себе на колени, притянул ближе, скользнул ладонью по спине:

— Очень красиво.

Сюй рассмеялся, и глаза его сузились в полумесяцы. В этот миг он напоминал себя прежнего — того самого, каким был до всего: светлого, немного рассеянного, живого. Гу Янь ощутил лёгкую, неожиданную боль — будто укол в сердце.

В последнее время он всё чаще ловил себя на мысли: Сюй изменился. Стал молчаливым, сдержанным, как будто что-то внутри погасло. Даже рядом с ним, даже когда тянулся всем телом — он редко смеялся. И вот сейчас — смеётся. И это хорошо. Потому что невозможно любить, когда человек рядом будто вечно в трауре. Это изматывает, как тошнота без причины.

Но после того, как надел часы, Сюй носил их недолго. Затем аккуратно снял, положил в коробку — и снова надел старые. Зато букет не выпускал из рук. Перебирал лепестки, рассматривал, словно боялся упустить хоть одну деталь.

Гу Янь провёл ладонью по затылку, по мягкой коже у основания волос:

— Ты что, никогда раньше не видел цветов? В них нет ничего особенного. Дешёвая вещь.

Сюй поднял глаза, покачал головой:

— Это не просто цветы. Это ты мне их подарил. Впервые. И они красивые. Такие белые, с живыми листьями... как будто... как будто всё в них правильно. Вот такими они и должны быть.

Он не мог остановиться. Говорил, увлечённо, с горящими глазами. Будто вместе с этими колокольчиками расцвёл и сам — тёплая травинка после долгой, глухой зимы. Мог бы рассказывать про один единственный лепесток часами.

Гу Янь усмехнулся:

— А часы? Почему не носишь? Не понравились? Хочешь другие — скажи.

Сюй Сяочжэнь повернулся, обнял его за шею, показал запястье с той самой старой моделью:

— Новые — классные. Очень. Но... эти — особенные, как обещание любви.

Улыбка Гу Яня дрогнула. «Обещание любви»? Он сам и не знал, что когда-то между ними было нечто настолько... серьёзное.

Наверное, в прошлом. Может быть, тогда он и любил. Когда впервые открыл глаза — имя, которое он прошептал, было его.

Но потом... потом были десятки омег. Умнее. Краше. И Сюй Сяочжэнь больше не казался таким уж особенным. Он был бедным, наивным, неуклюжим. И теперь — даже без железы. Последняя «привилегия» омеги исчезла.

Гу Янь чувствовал: долго он не продержится. Полгода — максимум.

Но прямо сейчас — атмосфера тягучей близости, будто они действительно пара, будто влюблены — она манила. Его тянуло играть в это, но хотелось и другого. Хотелось тела.

Он поцеловал уголок его губ:

— Правда? А расскажешь мне сегодня вечером историю этой "особенной"? Я ведь ничего не помню. Жаль. Но ты расскажи, ладно?

Сюй Сяочжэнь кивнул, вдохнул аромат цветов у себя на груди, ловко выскользнул из объятий и, найдя вазу, налил в неё воды. Он уселся на пол, подравнивая стебли, вставляя их в воду, а Гу Янь тем временем молча подавал ему цветы. В комнате воцарилась тёплая, почти домашняя атмосфера.

Вещи, однажды утраченные, становятся особенно ценными, когда возвращаются. Потому что в

памяти навсегда остаются страх и боль утраты, как напоминание: не стоит повторять прошлые ошибки.

Теперь, спустя годы, Сюй Сяочжэнь обращался с Гу Янем куда внимательнее и нежнее, чем раньше. Он чутко улавливал его настроение, старался предугадать желания, словно берег его, как нечто хрупкое и бесценное.

Вот и когда тот, как бы невзначай, уводил его в сторону, в спальню, Сюй Сяочжэнь уже не отказывал резко, как прежде. Он лишь мягко очертил границы — только по пятницам вечером и по субботам. Даже если ему было не до конца по душе, он позволял.

А потому проводили они в постели куда больше времени, чем в любой другой части дома.

Сегодняшний вечер был особенным. Из-за букета. Сюй Сяочжэнь сиял от радости, и, что бывало крайне редко, сам потянулся к нему. Даже когда лицо его вспыхнуло румянцем до кончиков ушей, как у варёной креветки, он, кусая губы и не отрывая взгляда от пола, не отпрянул.

Гу Янь находил это забавным. Он настаивал, чтобы тот посмотрел на него. Сюй Сяочжэнь отворачивался ещё пуще, пряча пылающие щёки.

Это было что-то новое. Если для такой откровенности нужна всего лишь охапка цветов — Гу Янь считал это сделкой века. Он возбуждённо думал: завалить бы его цветами с головой — посмотреть, как далеко тот зайдёт. И с каждой минутой становился только настойчивее.

Сюй Сяочжэнь, слабея под его натиском, и не подозревал, что в это время Гу Янь мысленно подбирал сорт цветов, в которых бы его закопать. Сознание плыло, тело горело, язык развязался. Он обвил руками шею Гу Яня и почти шёпотом сказал:

— Я люблю тебя.

Эти три слова казались ему слишком приторными, поэтому раньше он их никогда не произносил. Но в этот момент, когда всё внутри дрожало от чувства, ничто не могло выразить любовь лучше.

Он думал, что сказал это слишком тихо, что Гу Янь, поглощённый их близостью, просто не мог расслышать. В комнате, кроме их дыхания и глухих звуков движения, ничего не было слышно. Но он недооценил слух альфы — Гу Янь услышал всё.

Он замер, встал на колени, с изумлением повернул к себе лицо Сюй Сяочжэня. А тот, с глазами, полными искренности и смущения, как щенок, тёрся щекой о его ладонь.

Гу Янь знал, что Сюй Сяочжэнь его любит. Но тот был не из тех, кто говорит. Он делал —

заботился, был рядом, молчал. Даже простого «нравишься» от него не услышишь.

А теперь — «я люблю тебя».

Сколько же любви нужно накопить внутри, чтобы такой, как Сюй Сяочжэнь, наконец произнёс это вслух?..

<http://bllate.org/book/14462/1279150>